

**Елена
Михалкова**

Детективы

Елены Михалковой:

Знак истинного пути

Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона
Пирог из горького миндаля
Закрой дверь за совой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом

Елена Михалкова

Знак
истинного
пути

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки
Елькина Екатерина

Михалкова, Елена Ивановна

М69 Знак истинного пути : [роман] /Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-115021-1

Сыщики Макар Илюшин и Сергей Бабкин расследуют дело о пропавшей девушке. Никто не верит в то, что Элина жива, кроме ее матери.

Лишь один человек способен узнать правду — Макар Илюшин.

Что случилось с Элиной Гольц?

Как далеко заведет детективов их расследование?

И что за страшные тайны обнаружатся в благополучном семействе Евгении Гольц?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115021-1

@ Михалкова Е.
@ ООО «Издательство АСТ», 2019

Она забыла, где садится солнце — на востоке или на западе. Эта мысль ужаснула ее. Господи, она не может вспомнить, где садится солнце! Такое просто невозможно! Почему-то именно сейчас, когда она уже почти падала от усталости, от страха, охватившего ее, от боли, пронизывающей от локтей до коленок, стало невероятно важно, где садится солнце. На востоке или на западе? Куда же она бежит?!

Она подняла глаза к небу и на мгновение увидела не солнце, а луну — темную, рваную, с глубокими провалами в середине диска. Зажмурила в ужасе глаза, а когда открыла — луна исчезла. Морок, только Морок.

Солнце садилось за горизонт — огромный красный полукруг с неровными краями. Так рисуют дети. Дети! Она захохотала, остановившись на краю леса и глядя на солнце. Смех ее прозвучал дико и резко в совершенно пустынном месте.

Никого. Она уже поняла: здесь никого нет. Нет ни деревни, ни села, про которые шептала та старуха,

Елена Михайлова

шепелявя и коверкая слова. Она ошиблась, и все зря. Ее никто не спасет.

Она опустила на колени, глядя прямо на красный диск, не замечая, что по избитому лицу текут слезы. Боль резко пронзила ее, она схватилась за живот и закричала. Но потом вспомнила, что кричать нельзя, и зажала рот рукой. Они идут за ней, и, наверное, они уже рядом. Лучше она сдохнет здесь, совершенно одна, чем с ними. И тем более — с *ним*. Вспомнив про *него*, она вскочила, потому что страх придавал ей сил, и потащилась вдоль леса, хромая и постанывая от каждого шага.

Она уже поняла, что не спасется, потому что та старуха ошиблась, и здесь нет ни села, ни даже маленькой деревни, и никто не придет на помощь и не защитит ее от этих людей. Она попыталась молиться, но помешала боль, опять растекающаяся по телу, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. Она упала на теплую траву, попыталась съжаться в клубочек, незаметный клубочек, и слиться с землей, надеясь, что боль станет меньше. Но легче не становилось. Тогда она заставила себя встать на колени и посмотреть на солнце. Мелькнула мысль, что сейчас она умрет, но почему-то это было не так важно, как то, что она не может вспомнить, где же садится солнце.

И тут послышались голоса. Она замерла, прислушиваясь, по-прежнему стоя на коленях, надеясь, что показалось... Но ей не показалось, голоса приближались. «Господи, нет! — взмолилась она отчаянно. — Только дай мне умереть сейчас, не попасть к ним! Господи, пожалуйста!»

Словно услышав ее мольбу, боль начала разрывать

ЗНАК ИСТИННОГО ПУТИ

ее изнутри так, что она закричала, не помня себя, и повалилась наземь. На какое-то время сознание исчезло, перед глазами встала темнота. А когда темнота рассеялась, она увидела две фигуры, склонившиеся над ней, и услышала незнакомые голоса. И прежде чем окончательно провалиться в боль, из которой не было возврата, последним краешком ускользающего сознания она успела вспомнить, что солнце садится на западе.

ГЛАВА 1

Декабрь

Мезальянс — красивое слово. Когда-то около дома, где жили Наташа с Олегом, стояли несколько киосков, в просторечье называемых с незапамятных времен «комками». Каждый из этих «комков» носил свое название — как правило, отражающее степень освоения хозяином русского языка. Зависимость, как заметила Наташа, была обратно пропорциональной: чем звучнее и пафоснее название, тем больше вероятность того, что человек, обзывавший свой несчастный киоск, не понимал смысла слова. В результате простенькая «Вера» с небольшим ассортиментом сигарет соседствовала с «Императором», а рядом притулились «Парнас» и «Багратион». Но больше всего Наташе нравился крайний, слегка скособо-ченый киоск с гордым названием «Мезальянс». Каждый раз, проходя мимо него, она вспоминала слова матери, сказанные перед ее свадьбой с Олегом. «Боже мой, Наташа, — говорила мать, строча ножом по очищенной вареной картофелине, — ты понимаешь, что это мезальянс? Ты — учительница, то есть интелли-

ЗНАК ИСТИННОГО ПУТИ

генция, а твой Олег кто такой?» — «Вшивая из нее интеллигенция», — ворчал в ответ отец, симпатизировавший Олегу.

Поначалу, вспоминая тот диалог, Наташа улыбалась. И в самом деле смешно — какие из них интеллигенты, если мать с отцом сами еле-еле образование получили, всю жизнь прожили под Рязанью и только Наташу смогли выучить хоть чему-то! Однако отчасти слова матери были справедливы. И это понимали все, и сам Олег тоже не раз говорил, что жена ему досталась «не по ноздрям». Они даже над этим смеялись — до развода. Потом стало не до веселья.

А теперь — Наташа не смогла удержаться от нервного смешка — ее второй брак тоже обзывают мезальянсом. А что, красивое слово. И все ничего, если бы не одно «но». Теперь красивое слово произносила ее свекровь, Евгения Генриховна Гольц, обращаясь к своему сыну: «Эдик, ты понимаешь, что делаешь, приводя в наш дом эту женщину? Ты отдаешь себе отчет в том, что это чистой воды мезальянс? Я уже не говорю про ее ребенка...»

Может быть, госпожа Гольц произносила другие слова, но смысл приблизительно такой. Сегодня Наташа осталась дома одна — Ольга Степановна не в счет — и предпринимала очередную попытку освоиться. Что в понимании Наташи означало прогуливаться по дому, стараясь убедить себя, что она чувствует себя «адекватно обстановке». Так говорил Эдик: «Милая, ты должна чувствовать себя совершенно адекватно обстановке». Адекватно, как же!

Наташа остановилась около лестницы, ведущей на первый этаж, и посмотрела вниз. «Налево пойдешь —

коня потеряешь, направо — голову сложишь...» С левой стороны холла широкая тяжелая дубовая дверь вела в гостиную, с правой коридор заманивал в кухню и столовую, царство Ольги Степановны. Даже до второго этажа доходили аппетитные ароматы от ее стряпни. Впрочем, слово «стряпня» звучало неуместно применительно к тем кулинарным шедеврам, которыми ежедневно одаривала их «наша метрдотель», как называли Ольгу Степановну члены семьи Гольц.

Напротив лестницы висело большое зеркало в обрамлении серебряной гирлянды, и Наташа бросила быстрый взгляд на свое отражение. Маленькая, тощенькая, да еще с копной коротких темных волос. Костюм, к неудовольствию Наташи, сидел на ней нехорошо, и она вспомнила Аллу Дмитриевну, супругу младшего брата госпожи Гольц, Игоря Сергеевича. Как объяснял Эдик, супруга дяди — творческая личность, работает в каких-то галереях оформителем. Одевалась Алла Дмитриевна всегда довольно экстравагантно — на ярко-рыжих волосах огромная шляпа, обмотанная какими-то шарфиками, длинное пальто, чуть не до пола, сапоги на высоченных каблуках... Выглядеть бы Алле Дмитриевне форменным чучелом, если бы не тонкое, породистое, немного хищное лицо. Красивое, приходилось признать Наташе, очень красивое. И глаза необычные — зеленоватые, светлые, прозрачные. Правда, странным образом их цвет совершенно не гармонировал с лицом, и зеленые глаза русалки казались на нем неживыми.

Подумав, Наташа решила посидеть в гостиной, полюбоваться на елку. Стараясь держать спину так же прямо, как ее свекровь, она спустилась по лестнице,

ЗНАК ИСТИННОГО ПУТИ

ведя рукой по дубовым перилам и ощущая ласковую шероховатость дерева. Тяжелая дверь в гостиную открылась легко, обманчиво гостеприимно приглашая Наташу почувствовать себя хозяйкой хотя бы этой комнаты.

Осторожно ступая по бежевому ворсистому ковру, она дошла до кресла и постаралась не плюхнуться, а опуститься в него. Ей удалось, и Наташа застыла с выпрямленной спиной, уставившись в окно, прозрачное настолько, что казалось, стекла в нем нет вовсе.

Сидя в уютном, словно обнимающем ее кресле, Наташа размышляла о том, что к богатству, как и к бедности, нужно привыкать. Эту нехитрую истину она вполне освоила за то время, что жила в особняке Евгении Гольц. Поначалу, после знакомства с Эдиком, ей казалось, что сбываются детские мечты, несмотря на то что свой четвертый десяток она уже разменяла. Появилась возможность покупать красивые, уютные вещи себе и Тимоше, заходить в любое кафе, не думая о ценах напротив названий блюд... С Олегом она не могла себе даже представить такого. То есть она понимала, что где-то живут люди, которые часто ездят за границу, не знают, сколько стоит проезд в метро, но к ней самой это не относилось. Они никогда не могли позволить себе жить только на зарплату Олега, а порой Наташа зарабатывала больше, чем он.

С Эдиком, по понятным причинам, все было совершенно по-другому, и Наташа уже представляла себе, слегка стыдясь своих мыслей, как она будет по утрам выходить из их собственного дома... Не из хрущевки-распашонки, не на вонючую лестницу, а на аккуратную дорожку, выложенную кирпичом, по обеим сто-

Елена Михалкова

ронам которой растут деревья. И не будет протискиваться в маршрутку, обоняя все мыслимые и немыслимые запахи мужских и женских тел, а сможет заказывать такси, или ее будет подвозить Эдик... А сколько всего можно придумать для ребенка!

Видимо, высшие силы, подслушавшие Наташины мечты, решили поставить небольшой эксперимент и для полноты картины дали ей все и сразу, причем без всяких усилий с ее стороны. Эдика Наташа любила, и ей странно было представить себе, что она так долго жила без него — невысокого, светловолосого, невыразительного внешне человека, говорившего всегда мягко и негромко. Тимоша тоже привязался к нему, тем более что Олег последний раз виделся с мальчиком год назад и больше не изъявлял ни малейшего желания встречаться, а дядя Эдик дарил столько всего интересного! Ей не пришлось зарабатывать каторжным трудом или вылавливать вожделенного принца в мутной воде брачных контор и агентств по знакомству с иностранцами. Все было поднесено сразу и на блюдечке: дом, деньги, такси, дорожка, выложенная кирпичом. Заказывали?

И вот тут-то оказалось, что Наташа совершенно к такому не готова.

Первый раз Эдик привез ее в свой дом в конце ноября — познакомиться с мамой. К тому времени они уже встречались три месяца, но Эдик рассказывал о своей семье скупно и неохотно. Наташа знала только, что мама Эдика, Евгения Генриховна Гольц, очень состоятельная женщина, владелица сети салонов-парикмахерских под названием «Элина», и что вся семья, в которой она является полновластной главой,

ЗНАК ИСТИННОГО ПУТИ

живет в собственном доме. «У нас коттедж, — сказал тогда Эдик. — Я думаю, он тебе понравится».

Это был не коттедж. Когда машина остановилась, пытающийся быть галантным Эдик неуклюже обежал ее и подал Наташе руку. И правильно, потому что сама она в первые секунды растерялась. Слушая рассказы Эдика о доме, она представляла себе нечто двухэтажное с красной черепичной крышей из голливудских фильмов. То самое, про которое говорят: в доме две спальни, или три спальни, или, если очень круто, то пять. Но за черной оградой, на которую мягко опускался большими хлопьями снег, светились золотом окна настоящего особняка. Подобные Наташа видела только в музеях-усадебках. Здание не было большим, пожалуй, ненамного больше тех самых пресловутых голливудских пятиспаленных коттеджей, но во всем его облике, во всей архитектуре, в высоких стрельчатых окнах, в массивных дверях сквозило такое достоинство, словно дом стоял с выпрямленной спиной и свысока озираал соседей. Которых, впрочем, поблизости не было. Широкая ограда огибала особняк и исчезала где-то далеко в темноте.

— Наташа, ты что застыла? — услышала она удивленный голос Эдика. — Пойдем, нас давно ждут.

Наташа взяла себя в руки, стряхнула с плеч снежинки и пошла к дому по расчищенной дорожке, стараясь ступать как можно уверенней.

Когда до дома оставалось несколько шагов, двери распахнулись и на пороге появилась полная седая женщина с аккуратными завитками волос.

— Здравствуйте. Проходите, проходите, — приветливо заулыбалась она. — Наташенька, вы не замерзли?

Елена Михайлова

Наташа поднялась по ступенькам и оказалась напротив хозяйки. У нее сразу отлегло от сердца. Женщина смотрела на нее очень внимательно, но дружелюбно. Ничего чрезмерного, ничего вызывающе дорогого не было в ее костюме, и Наташа с благодарностью подумала, что будущая свекровь оделась так специально, чтобы не подчеркивать разницу в материальном положении между ней самой и Наташей.

— Здравствуйте! Нет, не успела замерзнуть, — ответила Наташа радостно. — У вас такой прекрасный дом, Евгения Генриховна! Скажите, он старый?

— Он не старый, — раздался низкий голос откуда-то из глубины дома, — он в самом расцвете лет.

Наташа перевела взгляд. По коридору, нарочито неторопливо, шла невысокая полная черноволосая дама. Тонкие губы, мясистый нос. Темно-серое платье, струящееся почти до пола. На шее мрачно-поблескивало ожерелье из каких-то кроваво-красных камней. Дама дошла до двери, задержалась на секунду, оглядев Наташу, и неторопливо произнесла:

— Ольга Степановна, ты уже познакомилась с нашей гостьей?

— Да, Евгения Генриховна, — кивнула приветливая женщина. — Мне кажется, они с Эдиком замерзли.

— Тогда можешь подавать, сразу за стол сядем. Ну что ж, значит, вы — подруга моего сына, — взгляд ее темных, почти черных глаз остановился на Наташе. — А я его мама, Евгения Генриховна. Приятно познакомиться...

А спустя неделю Эдик перевез Наташу и Тимошу в особняк окончательно. Им предстояло стать частью

ЗНАК ИСТИННОГО ПУТИ

семьи, как высокопарно выразился Игорь Сергеевич. Семьи Евгении Генриховны Гольц.

Первый шок, вызванный самим видом особняка, в котором Наташе предстояло жить, быстро прошел, зато начались неприятные открытия.

Еще до того, как разглядела обстановку дома, она обратила внимание на множество цветов, растущих на подоконниках и в огромных горшках на полу, стоящих в вазах и небрежно брошенных в большие стеклянные чаши, которые очень нравились Алле Дмитриевне. Фигуры в кадках блестели отполированными листьями, светло-зеленые деревца, похожие на можжевельник, стояли вдоль всего коридора на втором этаже, а уж в гостиной вообще росло что-то необычное, чему Наташа даже не знала названия. Зато знала цену. Как-то раз она видела подобные растения в цветочном салоне. И тогда обратила внимание, что один небольшой куст стоит ровно ее зарплату за месяц. Это ее рассмешило — подумать только, ровно зарплату.

Но в доме Евгении Генриховны ей было не смешно — против своей воли она подсчитывала, сколько приблизительно все зеленое удовольствие может стоить, и ей становилось плохо от представленной суммы. Признаться в этом Наташа не могла даже Эдику, потому что он бы ее не понял. А ведь были еще букеты, которые привозили в особняк раз в неделю. А еще — цветочные композиции, которые стояли по праздникам в каждой комнате. Евгения Генриховна любила цветы. Наташа начала тихо их ненавидеть.

Потом — шторы. На третий день ее проживания в особняке Алла Дмитриевна застала Наташу, когда та